

Балицкая Татьяна

Где ты, детство? (рассказы о детях 50-х годов)

Неразлучная тройца

В нашем дворе жили одни мальчишки. Кроме меня. Я – девчонка, хотя никогда не признавала этого. Для всех мальчишек во дворе я была своим парнем. Я никогда не ябедничала и дралась не хуже их.

Со мной почти всегда были два моих друга: брат, Валёк и большой друг, Мишка. Затронуть меня или моих друзей мало кто решался.

Мое девчоночье имя, Таня, было исправлено на Танёк. Во дворе все мальчишки так меня и называли. Только мама звала меня Таней и даже Танюшкой. Это очень сердило меня.

Ходила я, как и все мальчишки в нашем дворе, в сатиновых шароварах и ситцевых маечках. Надеть на меня девчачье платье было почти невозможно.

Мы жили в старом купеческом доме. Со стороны улицы дом стоял на возвышении, и прямо на тротуар спускалась высокая лестница с перилами. Во двор вели низенькие ступеньки.

Дом был большой, на две половины. В одной половине мы жили, а другую половину наши родители приспособили под кладовку. В той кладовке была уйма старых вещей, и мы очень любили разбирать ненужное старье.

Наши родители были учителями. Они вели дневную и вечернюю школы и были почти всегда невероятно заняты. Мой отец был неисправимым романтиком. Ему нравилось, что я росла как мальчишка. Он звал меня — Танёк, как и все мальчишки нашего двора. Но вот мама была против, она всегда старалась подчеркнуть, что как бы я ни храбрилась, но всё равно я – девочка. Из-за меня мои родители даже ссорились, но – ненадолго.

Мы с мальчишками наводили себе чапаевские усы и дружно носились по двору на сломанных или срезанных палках, изображая конницу. Причём все были «красные», «белым» быть никто не хотел.

Тогда я даже представить себе не могла, что мой прадед по матери был казачьим атаманом станицы Дербентской. Мой дед считался «кулаком» и «врагом народа». Почти все мамины родственники были богатыми людьми, и мало кто из них уцелел после коллективизации. Все они служили в «белых» и

даже в «зеленых».

Отец мой происходил из бедной рабочей семьи. Дед по отцу был преданным революционером, потом стал коммунистом. Мой отец был честным, в высшей степени порядочным человеком. О маминых родственниках в семье никогда не говорили. В то время, имея такую родню, легко можно было стать «врагом народа».

Нас вроде бы и не баловали: маме и папе было вечно некогда, но мы были непослушными и довольно вредными детьми.

Погибший солдат

У нашего дружка, Мишки, в дальнем конце сада стояло какое-то старое строение, ещё со времён войны. Мишкин отец собирался разобрать его на дрова, да всё времени не было. И вот однажды мы решили исследовать старую постройку.

Доски пола прогнили. Мы отодвинули доску, залезли под пол и увидели... скелет.

Мы дружно бросились бежать. Но, немного подумав, вернулись. Подумаешь, скелет! Что он нам может сделать? Мы же солдаты – красноармейцы и не боимся ничего.

Скелет лежал, вытянувшись во всю длину. Возле костей одной руки лежала какая-то ребристая, покрытая ржавчиной железяка. Рядом лежал штык и остатки винтовки. Возле костей ног лежала бляха со звёздочкой. Значит, погибший солдат был наш, а не немец.

Мы взяли ржавые железяки и пошли на конный двор, который находился рядом с нашим домом. Там мы влезли на телегу, нашли в мусоре три щепки и начали очищать наши трофеи.

Мишка усердно счищал грязь с тяжёлой ребристой штуковины. В это время подошла наша мама. Увидев железяку в Мишкиных руках, она вскрикнула, схватила на руки Вальку и побежала, потом поставила его на землю, крикнула, чтобы он стоял на месте и бегом вернулась к нам.

Она протянула руки к Мишке и велела ему отдать...гранату. Но Мишка не собирался отдавать ей свой трофей. Он задал такого стрекача, что только пятки сверкали. Наша мама поспешила к Мишкиным родителям.

Она сказала Мишкиному отцу, что видела в руках у Мишки ручную гранату, совсем ржавую. Надо как-то забрать у него опасную вещь, а то как бы она не взорвалась у него в руках.

Мишин отец нашел сына в саду. Гранату Мишка припрятал и отдавать её никак не хотел. Тогда отец пообещал взорвать гранату при нас.

Вечером мы вышли далеко за станицу: Валёк-Мишка-Танёк и Мишкин отец. Мишкин отец что-то выдернул из гранаты и зашвырнул её далеко в кусты. Она взорвалась. Мы были очень довольны.

По секрету мы рассказали Мишкиному отцу о скелете. Он сказал, что

скелет обязательно надо похоронить по-человечески.

В это же самое время поисковики обнаружили останки наших, расстрелянных солдат. Им вырыли братскую могилу. Найденный нами погибший русский солдат был тоже похоронен в той могиле.

Дикарка

Я росла неласковым ребёнком. Однажды мама взяла меня с собой в школу. Она на какое-то время оставила меня своим ученицам, а сама куда-то ушла.

Девочки-школьницы обступили меня, некоторые полезли обниматься и целоваться. Я поцарапала нескольких из них, а одну укусила за подбородок. Когда пришла мама, то она увидела такую картину: я стою в центре круга, нахохленная, как замёрзший воробей, а девочки хохочут над теми, кого я успела поцарапать и укусить.

Мама взяла меня за руку и повела домой. Дома она подтолкнула меня к отцу и улыбаясь, проговорила: «Полюбуйся на эту дикарку! Она поцарапала и покусала половину девочек в моем классе. Вот плоды твоего воспитания!»

Отец посадил меня к себе на колени и спросил: «Танёк! Что же ты кусаешься, как собака? Кто тебя такому учил?»

Я ответила : «Па, они меня обнимали и даже целовали!»

Отец рассмеялся : «Ну и что же в этом плохого? Вот если б девочки постарше обнимали и целовали меня....Я был бы очень рад!»

Я недоверчиво посмотрела на него : «Па, не смейся! Я знаю, что ты не любишь телячьих нежностей!»

«Ладно, иди гуляй и больше не кусайся, а то привяжем тебя на цепь вместо собаки!»

Я вышла во двор. Там бегали вместе с другими мальчишками Валёк и Мишка. Я рассказала им, как поцарапала школьниц, а одну даже укусила. Мишка горячо поддержал меня: «Танёк! Ты всё правильно сделала! Нечего слюни пускать!»

Мы с Мишкой отлично понимали друг друга. У нас с ним было больше общего, чем с братом. Валёк был белобрысым, упитанным мальчиком. Мы с Мишкой были темноволосые, тонкие, звонкие и прозрачные.

Валёк был довольно аккуратным мальчиком. Где мы только ни лазили, но Валёк почти всегда был чистым, без дырок на коленях, без особых ссадин. Зато мы с Мишкой почти всегда были взъерошены, потрёпаны и исцарапаны. Валёк был хитроват. Мы с Мишкой были бесхитростны и простодушны.

Вечером мама позвала нас домой. Я вошла и увидела, что отец сидит за столом и протирает очки. Я пообещала ему: «Па, когда я вырасту, то куплю тебе очки со ставнями.»

Он удивился: «Почему со ставнями?»

Я ответила: «Их не надо будет снимать. Захлопнул ставни – и все!»
«Иди спать, а то ты сегодня уморишь меня, и некому будет покупать очки, да еще и со ставнями!»

Ободранная лиса

Наша мама говорила, что мы не дети, а сущее наказание. Вечно мы что-то изобретали, куда – то убегали. Особенно беспокоила её я. Побитая, поцарапанная, я была хуже мальчишки. Всегда во что – то вляпаюсь.

В тот день я вымотала маме все нервы. Для начала я схватила рукой упавший провод, провод оказался под напряжением, меня начало трясти. Мишка кинулся помочь мне. Теперь трясло нас обоих. Валёк помчался к маме. Мама надела галоши, встала ногами на провод и по очереди оторвала нас с Мишкой от него.

Потом я вздумала залезть на огромную бочку, стоящую во дворе. Бочка была полна воды. По обручам я долезла до верха и свалилась в бочку. Достав меня из бочки и отшлёпав, мама велела мне сидеть дома. Она замкнула дверь на ключ, а сама ушла в школу, во вторую смену. Отец тоже был в школе.

Я сидела у окошка и смотрела, как носятся по двору мальчишки. С тоской поглядела на форточку, но вылезти было невозможно, форточка находилась слишком высоко.

Я взяла в руки игрушку, которую мне недавно купила мама. Это была красивая оранжевая плюшевая лиса с черными глазками – бусинками. Валька и Мишку сразу привлекла яркая игрушка в моих руках. Они немедленно подошли к окну.

Поразмыслив, решили пойти к Мишке и принести лестницу. Сказано – сделано. Мальчишки приставили принесенную лестницу к окну, и вскоре мы все снова были вместе.

Мы радовались, будто год не виделись. Тут Валёк стал вспоминать, что наш отец рассказывал нам про индейцев. Индейцы были не только хорошие воины, они также были и хорошие охотники. С убитых животных они снимали шкуры и делали из них себе одежду и вигвамы.

Мы дружно взглянули на лису.

Валёк нашел отцову «опасную» бритву, и работа закипела. Мы не слышали, как открылась дверь и вошли родители. Подойдя к нам, они увидели, что мы сидим втроем, голова к голове и дружно обдираем новую плюшевую игрушку.

Увидев маму и папу, мы замерли. Что теперь будет?

Папа вышел, а мама только вздохнула и велела мальчишкам отнести назад лестницу. Меня в тот день на улицу больше не пустили.

А вечером отец рассказывал нам об индейцах. Мы слушали, затаив дыхание, и я ни капли не жалела об испорченной красивой игрушке.

Я обиделась на маму

В тот злополучный день наша троица, Валёк – Мишка – Танёк, была у Мишки в саду. Мы ели упавшие груши. Груш оказалось мало, и я решила залезть на дерево.

Я была уже довольно высоко, когда подо мной подломилась ветка. Я грохнулась на землю. Падая, счесала локти и разбила колени.

Мишкина мама присыпала мои раны стрептоцидом. При этом я так орала, что было слышно в другом конце станицы.

А дома моя мама, увидев меня, всю израненную, еле выговорила : «Нет...это выше моих сил. Будешь сидеть дома целую неделю. И – никуда! А то я покажу тебе такую Кузькину мать, что и своих не узнаешь!»

И начался мой плен.

Родители, уходя, выпускали брата, Валька, а меня закрывали в доме на ключ. Я металась по комнате, как зверь в ловушке. Мальчишки сочувствовали мне, приходили под окошко, они хотели опять воспользоваться лестницей, но Мишкин отец убрал её на чердак.

Вконец разозлившись, я решила отомстить родителям. Я взяла их паспорта, положила в конверт, конверт заклеила и выбросила его мальчишкам. Я крикнула им, чтобы они отнесли конверт на почту и бросили его в почтовый ящик.

Мальчишки выполнили мою просьбу. А на следующий день почтальонка принесла нашей маме паспорта в конверте.

Мама никак не могла понять, как они туда попали. Хорошо ещё, что конверт был чистый, а то бы отправили паспорта неизвестно куда. Отец, посмотрев на нас, сразу догадался, чья это работа.

Я созналась во всем. Папа сказал, что нехорошо быть такой мстительной. Вообще, злоба – это очень плохая вещь.

Оказывается, наши любимые герои никогда не были мстительными. Мы в это поверили и всегда старались подавить в себе злобу.

А заточение моё на этом закончилось.

Дальний поход

Наша семья жила в станице Нефтяной Краснодарского края. Выходя из дому, мы видели прямо напротив гору, вершина которой была покрыта снегом зимой и летом. Мы называли её – снеговая гора.

Наша троица, Валёк – Мишка – Танёк, решила пойти в дальний поход к снеговой горе.

Мы думали, что доберёмся туда быстро, а к вечеру вернёмся назад. Ещё мы думали, что в том месте где гора, ночью так же светло, как и днем.

Мы взяли из дому сухарей, конфет – лампасеек и коробку спичек. Мишка набрал полные карманы сушёных груш и яблок. И вот, когда наши родители ушли в школу, к нам прибежал Мишка, и мы вместе отправились в дальний поход. Один из старших мальчишек, Колька, показал нам дорогу к горной тропинке.

Весело шагали мы по горной тропе. Устав, садились отдыхать, грызли лампасейки и Мишкину сушку. К сожалению, мы совершенно забыли о воде, и вскоре нас начала мучить неумолимая жажда. Но мы упорно шли вперед.

Мы прошли большое расстояние, но гора всё не приближалась. Это только казалось, что она близко, на самом деле она была далеко. Начало темнеть, а гора всё не приближалась.

Я неуверенно сказала мальчишкам, что дома нам очень сильно попадёт. Мишка поддержал меня. Валёк, подумав, тоже согласился вернуться домой.

Мой брат очень плохо видел в темноте, у него вообще были проблемы со зрением. Мишка тоже страдал «куриной слепотой». Зато я видела в темноте как кошка. После недолгих споров я пошла впереди, за мной – Валёк, а замыкал процессию Мишка.

Постепенно стало совсем темно, хоть глаз выколи. Даже я с трудом различала тропинку. Не знаю, какое чутьё вело меня, но я шла точно по той же тропинке, хотя там было много ответвлений в разные стороны. Мы шли шаг в шаг и тихонько переговаривались.

Вдруг вдалеке и немного в сторонке я увидела тлеющие угли. Кто – то недавно жёг здесь костёр.

Я заорала : «Ура! Костёр....» И побежала. По дороге упала и оцарапала коленку, но даже внимания не обратила на ссадину. Мы начали ломать кустарник, собирать сухую траву – и вскоре костёр пылал вовсю.

Мы радовались, что тьма отступила и плясали вокруг костра, как индейцы. Вдруг мы увидели силуэты многих идущих людей и услышали разгневанные голоса наших отцов. Как они здесь очутились?

А дома было вот что.

Мишкина мама пришла к нашим родителям и с тревогой сказала им, что весь день не видела ни своего сына, ни нас. И куда мы делись – неизвестно. Наш отец начал расспрашивать мальчишек во дворе, куда мы могли деться, и Колька сказал ему, что мы пошли в дальний поход к снеговой горе. Наши родители подняли кучу народа на поиски своих детей, в поисках приняли участие даже школьники – десятиклассники. Все они лазили по горным тропинкам, не зная, по какой из них мы пошли. Потом они увидели костёр, услышали пение и выкрики и еще увидели трех танцующих человечков.

Мы шли в окружении большого количества людей, и нам было очень стыдно за свое неудачное путешествие.

Вальку и Мишке тогда здорово досталось от отцов. Мне же выпало ещё худшее наказание. Почти неделю я сидела дома, меня не пускали гулять на улицу.

Когда я рассказала отцу, как в темноте вела за собой мальчишек и не сбилась с дороги, то он в шутку начал называть меня Танёк – следопыт.

Меня знакомят с девочкой

Сколько себя помнила, я всегда играла только с мальчишками. Себя я тоже считала мальчиком. Моя мама решила познакомить меня с хорошей девочкой. Она хотела, чтобы у меня появилась хотя бы одна подружка.

За неделю до знакомства мама начала внушать мне: «Говори не я пошёл, а я пошла. Ты не мальчик. Никакой ты не Танёк, а Танюшка, девочка!»

Но я, красная от слёз и злости, упрямо повторяла : «Нет! Я – мальчик! Я – Танёк!»

Девочка пришла к нам с родителями. Она была в нежном голубом платье, в голубых туфельках и носочках. Вся она была беленькая, нежная и пушистая, как котёнок.

На меня мама тоже натянула розовое красивое платье и новые туфли. Но из – под платья виднелись побитые коленки, руки тоже были поцарапаны. Я была вся чёрная от загара. Контраст между нами был поразительный.

Людочка, так звали девочку, рассказала нам всем стихотворенье «Стрекоза и муравей». Но зато я не стала никому ничего рассказывать, хотя знала много стихов. Я сидела рядом с Людочкой и боялась к ней прикоснуться: у неё ни на ручках, ни на ножках, ни на лице не было ни единой царапины.

Людочкин папа сказал : «Пусть девочки идут на улицу, там они поближе познакомятся.» От радости я подпрыгнула и побежала к двери, Людочка – за мной.

На улице я увидела Вальку с Мишкой, которые ужасно переживали, что их Танёк подвергается такой пытке, как знакомство с девчонкой.

Людочка что – то мне говорила, я слышала её голос , но ничего не понимала. В это время Вальк прикрыв Мишке глаза своими руками, а Мишка делал движения руками, будто что-то ищет. Я поняла намёк и предложила девочке поиграть в прятки. Людочка согласилась.

Я сняла со своего крысиного хвостика новый широкий бант и завязала девочке глаза. А сама помчалась к своим друзьям. Мы побежали к Мишке в сад. Там я сняла красивое розовое платье, скинула туфли. Мишка принёс мне свои старые штаны и старую рубашку. С какой же радостью я напялила на себя это рваньё.

Мое красивое праздничное платье мы с мальчишками закопали под грушей, чтоб его и духу не было. Я знала, что мне за это здорово влетит, но даже предстоящее наказание не остановило меня.

Когда я заявилась домой в Мишкином старье, то мама схватила за голову, а отец пулей вылетел в коридор, по дороге подозрительно кашляя.

Поход на кладбище

Как – то я слышала от старших мальчишек, что на старом кладбище что – то светится внутри могил. Я тут же сказала об этом Вальку и Мишке.

Но на кладбище надо было идти ночью, потому что днём ничего не светилось. Мы долго думали, как нам уйти ночью. И решили дожждаться, когда уснут родители и идти. Встретиться с Мишкой решили возле конного двора.

Дома мама заметила, что я слишком взволнована. Она померила мне температуру, температура была нормальная, и она успокоилась. Мама уложила нас спать, а вскоре они с отцом тоже улеглись. Я незаметно уснула.

Проснувшись от толчка. Рядом с моей кроватью стоял Валёк и шипел : «Ш-Ш- Ш,тише...»

Я торопливо оделась, и мы с братом вышли в ночь. Мишка уже ждал нас, дрожа от холода.

Валёк взял с собой фонарик – «жучок». Мы пошли, освещая себе дорогу. На старом кладбище было тихо, летали жучки – светлячки, но ничего и нигде не светилось. Мы шли, рассматривая покосившиеся памятники. Кладбище было старое, сильно поросшее травой. Тропинка была слишком узкая.

Несмотря на внешнюю браваду, я очень боялась. Мальчишки если и боялись, то по ним этого не было видно. Я старалась подражать им и быть смелой. Походив по кладбищу и не увидев никакого свечения, мы решили идти домой.

А дома мама, встав ночью, решила проверить, нет ли у меня температуры? Каково же было её удивление, когда она увидела пустую кровать. Сына тоже не было на месте. Мама разбудила отца и вдвоём они отправились к Мишке.

Но и Мишки, как всегда в таких случаях, не было дома.

Куда могли подеваться ночью два семилетних мальчика и пятилетняя девочка? И тут они увидели нас. Мы шли, освещая себе «жучком» дорогу и весело переговариваясь.

Мишка сказал : «Ну, я побегу, а то вдруг отец проснётся...»

Мишкин отец проговорил : «Не торопись слишком, я уже проснулся...»

И тут мы увидели наших родителей. Надо же, опять влип! Нам пришлось рассказать всё без утайки о нашем ночном путешествии.

Жулька

В нашем дворе жила собака, Жулька. Все мальчишки любили рыжую ласковую дворняжку.

Я тоже очень любила собачку. При любом удобном случае я приносила Жульке хлеба или печенья. Мальчишки подкармливали её хлебом. Собачка была

нам всем большим другом.

Однажды Жульку покусал спустившийся с гор бешеный волк. Бешенство передалось собачке.

Наш сосед, дед Богатский, взял ружьё и убил собачонку. Мы стали невольными свидетелями расправы с собачкой. Наша троица, Валёк – Мишка – Танёк, решила отомстить деду за убийство нашего маленького дружочка.

Мы увидели, что дед вошел в хату, а галоши оставил на ступеньках. Мы взяли из дому молоток, маленьких гвоздей и пошли к дедовой хате. Я стояла на «стрёме», а мальчишки быстренько прибили дедовы галоши к ступенькам и удрали.

Дед вышел из хаты, обул галоши, хотел шагнуть, но... галоши крепко стояли на месте. Дед Богатский упал со ступенек и сломал себе ногу.

Мишкин отец на своей «полуторке» возил деда в город, в больницу. Там дедову ногу «заковали» в гипс. Все взрослые жильцы сочувствовали деду.

В ожидании родителей мы не находили себе места. Валёк попросил: «Танёк! Скажи отцу, что это вы с Мишкой прибили галоши, а меня там не было. Папка тебя никогда не бьёт и теперь не будет бить». Я согласилась выручить брата.

Когда папа с мамой пришли из школы, папа сразу же позвал нас и спросил напрямик: «Дедова сломанная нога – это ваша работа?»

Я быстро ответила: «Это мы с Мишкой прибили галоши ... а Валька с нами не было. Дед злой, он убил нашу Жульку.»

Отец снял ремень и крепко стеганул меня им. От неожиданности я даже взвизгнула.

Наказывая меня, отец с неодобрением посмотрел на Валька. Я думала, что Валёк как – то поддержит меня, но он повернулся и ушёл в другую комнату. Я пошла на свою кровать, залезла под одеяло и заплакала.

На следующий день наш дружок, Мишка, примчался очень рано. Он сказал, что отец отодрал его, как «сидорову козу». Я сказала, что тоже получила «на орехи».

Мишка взглянул на Валька. Валёк покраснел и опустил голову. Он тут же рассказал Мишке, как все было.

Мишка рассудительно заметил: «Валёк, ты поступил не по – дружески и не по – солдатски. Ты должен рассказать отцу всё, как было.»

Вечером Валёк признался отцу, что галоши прибили они с Мишкой, а я только стояла на «стрёме». Отец не стал наказывать Валька, а мне он сказал : «Я ведь знал, что галоши прибили Валька с Мишкой! А тебя, Танёк, я ударил за то, что ты соврала и глазом не моргнула. Не люблю лживых людей! А в этом деле ты такой же соучастник, как и мальчишки. Не исключено, что прибить галоши – твоя идея!»

Потом отец загадочно улыбнулся и произнёс: «А теперь, дорогие мои пакостники, вы будете помогать деду Богатскому. Ваш дружок, Мишка, тоже будет помогать деду, пока дед немного не поправится. Мы уже обо всём договорились с Мишкиным отцом.»

Дед Богатский за неделю вволю поиздевался над нами. Он гонял нас по

десять раз в день в магазин за хлебом, за молоком, за керосином, по воду. Меня он заставлял мести хату, а мальчишек – двор. И всё приправлял нудными нотациями.

За это время мы сто раз пожалели о содеянном. Но всё же я предложила опять что –нибудь устроить деду. Мишка сказал, что хватит. Получить снова взбучку от отца он не хотел.

Дед вскоре выздоровел, но ещё долго ходил с палочкой. Увидев кого –нибудь из нас, он старался хромать сильнее, чем хромал на самом деле. Мы старались обходить его десятой дорогой.

Цыганский танец

Как – то раз, в конце мая, наши мама с папой ушли на школьный вечер. За нами мама попросила присмотреть соседку – бабушку.

Часов в восемь вечера к нам примчался Мишка и заторопил нас: «Валёк, Танёк, побежали скорее, там цыгане приехали, ночевать у нас в станице будут!»

Мы бегом помчались смотреть на цыган. Соседка – бабушка кричала нам, чтоб мы вернулись, но мы и «ухом не повели.»

Там были две пароконные телеги. Цыгане снимали с телег всё, что было нужно для ночлега. Цыганята подошли к нам; они были очень дружелюбны. Потом к нам подошла молодая цыганка и сказала мне: «Девочка, оставайся с нами! Ты – чёрненькая, как мы. Тебе с нами будет хорошо.»

Мишка крепко взял меня за руку и проворчал: «Во-первых это не девочка, а мальчик, а во-вторых, он никуда с вами не пойдёт!»

Цыганка весело улыбнулась: «А ты её брат, да? Ты тоже чёрненький, тоже как наш...»

Тут Валек взял меня за другую руку: «Я его брат и он никуда не пойдёт!» Цыганка пожала плечами и ушла.

Приготовив всё для ночлега, цыгане и цыганки сели в круг и протяжно запели. Было уже совсем темно. Двое цыган разожгли костёр.

После этого в круг вошла молодая красавица – цыганка. Она начала танцевать. Темп песни ускорился и вместе с тем быстрее становился танец. Это было незабываемое зрелище. Цыганка носилась по кругу. Мелькали её руки, ноги, плечи, волосы, наполненные светом Луны и костра. Длинное платье с широкими рукавами причудливо колыхалось, то обвивая цыганку, то распрямляясь. Это было настолько завораживающе, что мы опомнились только тогда, когда танец закончился. Была глубокая ночь.

«Ну и попадет же нам!» – прошептала я. Мишка проворчал: «Да, отец меня сегодня хорошо выпорет.»

Когда мы прибежали домой, родителей ещё не было. Соседка сидела на лестнице и плакала. Увидев нас, она обрадовалась, что мы целы и невредимы.

Мы быстренько разделись и улеглись спать.

Наверное, соседка ничего не стала рассказывать нашим родителям, потому что обошлось без наказания, но вот наш дружок, Мишка, получил «на полную катушку».

Зверёк

Все мальчишки в нашем дворе любили лошадей. Мы с друзьями часто приходили на конный двор посмотреть на них.

Кобылица – тяжеловоз, Рыжуха, принесла лошонка. Нашему восторгу не было предела. Когда жеребёнок немного подрос, мы начали подкармливать его хлебом и сахаром.

По нашей просьбе конюх, дядя Коля, назвал жеребёнка Зверёк. Но чаще мы называли его Зырёк.

Увидев кого – нибудь из нас, Зверёк бегом догонял и бессовестно попрошайничал. Хлеб или сахар он брал очень нежно мягкими, тёплыми губами.

Я часто просила конюха, дядю Колю, посадить меня на лошадь. Он мне никогда не отказывал и сажал на смиренного Воронка или на Рыжуху. Как-то я попросила его посадить меня на Зверька. Дядя Коля сказал, что на жеребёнка он меня не может посадить, но не объяснил, почему.

Зверёк подрос, он стал крупным, крепким и красивым. Я начала просить мальчишек посадить меня на Зверька. Я доказывала, что Зверёк ручной и ничего мне не сделает.

Валёк и Мишка подманили Зверька к телеге и водрузили меня к нему на спину. Почувствовав груз на своей спине, Зверёк стал настоящим зверем. Он начал так неистово прыгать, что я испугалась и закричала. Он стал прыгать ещё сильнее. В конце концов, Зверёк сбросил меня с себя. Сбросил не просто на землю, а на кучу битого стекла. Я насквозь распорола ступню.

Мальчишки были в ужасе. Мишка выговорил: «Танёчек, потерпи чуть-чуть, а мы побежим за мамами.» Мишка помчался домой, а Валек – в школу.

Первой прибежала Мишкина мама. У неё был целый пузырьёк йода и разрезанная на полосы простыня. Несмотря на мои вопли, она вытащила стёкла из моей ноги и вылила на рану море йода. Мишкина мама заплакала. Плача, она начала бинтовать мою ногу.

Тут подбежала моя мама. Моя мама тоже расплакалась, поблагодарила Мишкину маму за помощь, взяла меня на руки и понесла домой. Через некоторое время подъехал на машине Мишкин отец. Мы с мамой сели к нему в кабину и поехали в город.

В городской больнице мою ногу зашили. Мне пришлось три дня лежать в больнице вместе с мамой. Там меня искололи уколами.

Когда меня привезли домой, то ещё с неделю я не могла встать на ногу.

Мама купила мне пластилин, чтобы я не скучала. Я лепила из него фигурки зверей и птиц, это у меня неплохо получалось. Мальчишки чувствовали себя такими виноватыми, что на них жалко было смотреть.

Мишка говорил, что лучше бы он сел на Зверька. Валёк говорил, что они с Мишкой- два дурака. Я успокаивала друзей, что сама во всём виновата. Я же как смола, пристану- не отцепишь!

Дней через десять я начала потихоньку ходить.

Мы с друзьями пошли на конный двор. Зверёк подошел к нам, как ни в чем не бывало. Мы кормили его хлебом. Я не обижалась на жеребёнка, потому что наш папа рассказал нам, как тяжело объездить молодого коня, и я уж никак не годилась для подобной роли.

Мальчишек от порки спасло только то, что они сами были в ужасе от того, что произошло со мной. Они пообещали отцам никогда не делать ничего такого, что могло бы навредить мне или им самим.

Мальчик Танёк

Мы сидели на лестнице у нашего дома. Эта длинная лестница была любимым местом сбора всех мальчишек нашего двора. Сколько мальчишеских тайн она слышала! Здесь мы решали свои самые важные дела.

Иногда по вечерам на лестницу выходил мой отец и рассказывал нам о войне, о революции, или об индейцах. Иногда приходила моя мама и рассказывала нам сказки или интересные истории из жизни. Мы всегда радовались таким вечерам. Это были лучшие вечера в нашей жизни.

Наши родители были вечно заняты в школе. Дневная, вечерняя школы, да еще разные кружки. У мамы были ещё классное руководство и драмкружок. Этот драмкружок собирал по праздникам в клубе огромное количество людей. Мама всегда умела найти талантливых учеников. У мамы всё это отнимало много времени и сил...и совершенно не оплачивалось. Из-за своей занятости наши родители не держали никакого хозяйства.

Мишкин отец работал шофёром, мама была домохозяйкой. Они держали кур и поросёнка. У них был небольшой огород и чудесный сад.

В тот день наша неразлучная троица, Валёк-Мишка-Танёк, только что нарвала у Мишки в саду ранних яблок и теперь уплетала их за обе щёки. Мимо нас проходил мужчина в вылинявшей гимнастёрке, военных брюках и с чемоданом в руке. Вдруг он остановился, поставил чемодан на землю, подошёл к нам и протянул ко мне руки.

«Девочка, как тебя зовут?»- ласково спросил он.

«Я не девочка, а мальчик!»- со злостью отрезала я.

«Ну, и как же тебя звать?»- улыбнулся он.

«Танёк!»- гордо ответила я.

Он засмеялся и проговорил: «Ну, конечно, мальчик....Танёк.»

Мишка настороженно спросил: «Ну и что такого? Танёк...имя как имя!»

«Да ничего, просто имя интересное...Танёк. Когда я уходил на войну, у меня дома осталась дочка такого же возраста. Теперь она уже взрослая, а я вот только с войны возвращаюсь.»

Валёк поучительно произнёс: «Война давным-давно закончилась!» Военный улыбнулся: «Кому-давно, а для меня только что! Ну, бывайте здоровы...мальчишки».

«До свидания!»- вежливо и дружно ответила наша троица.

Мы съели яблоки и пошли смотреть на лошадей. На конном дворе я попросила дядю Колю посадить меня на Рыжуху. Он выполнил мою просьбу, и я сидела на лошади, перебирая ее гриву. Мальчишки сидели на телеге и смотрели на меня.

Подошла наша мама: «Тебе все нейдет! Лошадей не боишься. Чистая казачка!»

Она сняла меня с лошади и мы втроем пошли домой.

Дома мы узнали, что военный, который проходил мимо нас, действительно, только что вернулся из Германии к жене и дочери.

«Предатель!»- выпалила я.

Мама медленно проговорила: «Как ты смеешь называть незнакомого тебе человека предателем? Может быть, у него было какое-то особое задание за границей? Никогда нельзя говорить, не подумав!»

Мне было очень стыдно. Что у меня за язык? Ещё не подумала, а уже ляпнула очередную глупость.

Ножичек

Я никогда и ничего не находила. Мой брат, Валёк, частенько находил мелкие деньги; однажды нашел даже часы, но наш отец тут же вернул их владельцу.

Но в тот день мне очень повезло: я нашла ножичек. У многих мальчишек в нашем дворе были ножички, но у нашей троицы, Валёк-Мишка-Танёк, ножичка не было.

Я помчалась к своим друзьям, визжа от радости. Я показала им ножичек. Я прыгала от радости и не замечала, что мой дружок, Мишка, не очень рад моей находке. Мы поиграли «в ножички» и пошли к нам домой.

Мама с папой пришли на перерыв и принесли нам конфет. Я наклонилась, и ножичек выпал у меня из кармана. Отец тут же спросил, где я взяла ножик. Я ответила, что нашла его на улице. Папа сказал, что ножичек дорогой и его надо вернуть владельцу.

Я чуть не заплакала, говоря, что любой мальчишка будет рад иметь такой ножичек...а откуда я узнаю, его это ножик или нет.

Отец проговорил: «Надо спросить, как выглядит ножик, свою вещь каждый

опишет точно. И тогда наверняка ты вернёшь ножик владельцу!»

Сидевший за столом и молчавший до этого Мишка вдруг произнёс: «Танёк, ножик никому не надо отдавать, потому что он мой.» Я вытаращила глаза и спросила: «А что же ты молчал до сих пор? Это не по-солдатски и не по-дружески!»

Мишка примирительно произнёс: «Танёк, я видел, как ты радовалась и не смог сказать, что это мой ножичек.»

Я надулась, как мышь на крупу.

Наш отец проговорил: «Танёк ты, Танёк! Да у тебя такой друг, что ни у кого такого нет! Он увидел, как ты радуешься находке, и не захотел омрачать твою радость. Зная тебя, он предположил, что ножик тебе скоро надоест; тогда он и сказал бы, что это его вещь!»

Я увидела, как повеселел Мишка и проворчала: «Ладно...он всё равно наш, и мы его никому не отдадим.»

Мишка улыбнулся: «Хочешь, он пока побудет у тебя?»

Но наш отец был неумолим: «Нет, Миша, твой отец может спросить тебя, где ножик. Он твой и должен быть у тебя.»

Оказывается, Мишкин отец купил Мишке ножичек, как подарок на день рождения. Наш друг положил его в карман и пошел играть с нами, но по дороге встретил своего давнего недруга, Санька. Мальчишки подрались. Во время драки ножик выпал из кармана.

Когда Мишка пришел к нам, то он хотел показать нам ножичек, полез в карман; но там ничего не оказалось. А потом я нашла этот ножичек, и, видя мою радость, Мишка не решился сказать, что это его вещь.

Если бы не мой отец, мы бы наверняка поссорились, но он вовремя вмешался, и всё встало на свои места. Наша дружба стала ещё крепче.

Драка

Мои родители всё чаще поговаривали об отъезде.

Три года назад, когда мы были совсем маленькими, наша мама попала в аварию. Мама со своим драмкружком ехала выступать в другую станицу. Одной из учениц нездоровилось, и мама уступила ей место в кабине «полуторки», а сама ехала со всеми остальными в кузове.

На повороте машину занесло, и она перевернулась. Сильно покалечились моя мама и четверо учащихся. А девочка, сидевшая в кабине, погибла. Это была ещё и моральная травма.

Теперь маму мучили головные боли. Врачи посоветовали ей уехать на равнину, подальше от гор. Тогда я даже не представляла, каким огромным горем обернется для меня наш отъезд.

В тот день наша троица была не в полном составе: у Валька была высокая температура, и он сидел дома. Мы с Мишкой поиграли в «ножички», поели

груш у Мишки в саду и пошли на конный двор, чтобы посмотреть на лошадей.

По дороге меня вдруг остановил большой мальчишка, Санёк, отвел в сторонку и приказал мне:

«Иди и принеси мне три куска сахару, а то получишь...»

Я разозлилась: «Ещё чего? Уйди с дороги по-хорошему!»

Тогда он дал мне «щелбан» с оттяжкой. Я вцепилась ему в рубашку. Пуговицы полетели во все стороны. Увидев, что Санек ударил меня, Мишка подскочил и ударил Саньку изо всех сил. Мы сцепились втроем, как коты.

Результаты драки были неутешительны. У Саньки на рубашке не осталось пуговиц. Его лицо и плечо были расцарапаны в кровь. У Мишки под глазом наливался синяк. У меня были разбиты губы и поцарапано ухо. Из разбитой губы текла кровь.

Мишка оторвал обшлаг от своей рубашки и дал его мне. Я приложила его к разбитой губе – и вскоре кровь перестала течь.

Я сказала: «Ну вот, дома опять попадет...» Мишка поддержал меня: «Мне тоже не поздоровится!».

Мы сидели на ступеньках лестницы и старались хоть чуть-чуть привести себя в порядок. Я спросила Мишку: Мишка, если б я попала в плен – ты бы выручил меня?»

Он обиделся: «Санёк... что ты говоришь? Ты – мой друг! А выручать друга из беды- первое дело. Потому что я- это ты, а ты- это я!»

Эти слова запали мне в душу. Потом в жизни много чего было. Но никогда больше, ни с кем, у меня не было такой большой и чистой дружбы.

Валёк и Мишка идут в школу

Пришла пора моему брату, Вальку, и другу, Мишке, идти в первый класс. В тот день они оба были одеты в новые белые рубашки и брюки со стрелочками.

Я просила маму и мне купить такую же одежду. Мама улыбнулась: «Куплю, как пойдешь в школу, только не штаны, а форменное платье с фартуком.»

Я засопела и отвернулась. Я уже понимала, что я – не мальчишка, но не хотела признаться в этом даже самой себе.

Перед школой была площадка. Мальчишки стояли на ней вместе с другими, красиво одетыми детьми. Как я им тогда завидовала! Но, вместе с тем я гордилась ими. Мои друзья теперь – школьники, совсем взрослые.

У мальчишек теперь было меньше времени, чтобы носиться по двору. Когда Валек учил уроки, я сидела рядом с ним. Учился он, училась и я. Он изучал буквы, я- тоже, он учил цифры, я- тоже.

Мы так же дружили. После школы мальчишки были со мной. Мы так же носились по двору на сломанных палках, играли в «ножички», в «чурку», в прятки. В нашей жизни мало что изменилось.

Мальчишки оба учились хорошо. В школе у них появились новые друзья. Быстро летело время. И вот наступил Новый год.

Мама устроила нам ёлку. К Вальку пришли несколько одноклассников и с ними Мишка. Мы веселились, как могли. Прыгали вокруг ёлки, надевали маски, которые сами вырезали и раскрасили. Мама наварила нам компота, напекла пирожков, и они с отцом ушли к соседям.

В разгар веселья один из мальчишек сказал мне: «Ты вообще-то девчонка, и тебе нечего делать в компании мальчишек! Уходи отсюда...» Не раздумывая, я вцепилась в него. Он сильно толкнул меня, и я упала на пол. Мишка подбежал и толкнул того мальчишку. Они подрались. Я всю помогала Мишке.

Подошел Валёк, за ним – другие мальчишки. Нас растащили. Валёк сказал, что в драке виновата я, а Мишка зря за меня заступился. Я очень обиделась на брата.

Когда пришли родители, они очень удивились: мы с Вальком сидели в разных углах комнаты и дулись друг на друга. Так произошла наша первая размолвка.

Обманщик

Тот зимний день так хорошо начинался. На дворе шёл небольшой снежок. Погодка была чудесная для того, чтобы покататься с горки.

Прошлой зимой наш отец заказал дяде Саше-кузнецу санки для нас. Эти санки недолго служили нам. Мы их быстро сломали.

Но в тот день нам так захотелось покататься. Мы отправились без санок. Мы присаживались на корточки и начинали спуск, а доезжали уже сидя или даже лёжа. Мы веселились, катались по снегу, перекидывались снежками.

Я решила доехать до самого конца горки, стоя на ногах; но, проехав немного, неловко упала. Когда попыталась встать, то почувствовала острую боль.

Вскрикнув, я опустилась на лёд. Мальчишки тут же оказались рядом. Я сказала им, что у меня сильно болит нога, и я не могу идти. Валёк и Мишка решили нести меня домой на своих спинах. До дому было далеко.

У Мишки было пальто «на вырост» и материны валенки. Валёк тоже был в маминых валенках. Мальчишкам было тяжело и неудобно нести меня.

Когда до дома осталось совсем немного, Мишка вдруг поскользнулся и упал вместе со мной. Я упала на болевшую ногу, закричала от пронзительной боли – и вдруг почувствовала, что боль прошла. Я встала на ноги и пошла, чуть прихрамывая.

Мальчишки, разинув рты, смотрели на меня. Валёк засмеялся: «Вот это да! Здорово ты нас обманула. Танёк, тебе покататься захотелось на нас с Мишкой?» Мишка хмуро проговорил: «Танёк... не знаю, как это назвать? Ты не солдат, ты – обманщик!»

Я попыталась оправдаться: «Но у меня болела нога...а теперь не болит»
Мишка проворчал: «Ври кому-нибудь другому. Мы несли тебя, как друга, как раненого солдата, а ты?»

Валёк съехидничал: «Ну и Танёк! Брехло- вот ты кто!»

Я отчаянно выкрикнула: «Почему вы мне не верите? Сами вы брехлы!» И побежала в дом, чтобы мальчишки не видели моих слёз.

Вскоре в дом вошел Валёк. Он начал рассказывать маме и папе, как ловко я провела их с Мишкой. Я покраснела от обиды и слёз и с болью проговорила: «Я упала с горки. У меня начала болеть нога, но когда Мишка со мной на спине упал, она сперва очень сильно заболела, а потом совсем перестала болеть.»

Мама спросила: «Валя, почему ты не веришь Тане? Думаю, что было так: Таня немного вывихнула ногу и не могла идти. Когда Миша с ней упал, то она ударилась этой ногой – и всё встало на место.»

Отец подлил масла в огонь: «Валёк, это не по-дружески – не верить друг другу.»

Валёк пробормотал: «Танёк, ну извини...»

Я ответила: «Да ладно...все хорошо».

На следующий день Мишка пришел поздно. Выглядел он виноватым. Когда Мишка дома попытался рассказать своему отцу о моем предательстве, то его отец сказал ему примерно то же, что сказала Вальку наша мама.

Мишка смущённо выговорил: «Танёк, прости, я не солдат, а свинья.»

Я расхохоталась: «Мишка, ты совсем не похож на свинью, слишком уж ты тощий!»

Отношения были налажены, и нашей дружбе опять ничего не угрожало.

Сестра

Однажды мальчишка из нашего двора, Витёк, пришел очень грустный. На ступеньках нашего дома уже собралось много мальчишек. Санёк, старший и очень противный мальчик, спросил пятилетнего Витьку, почему тот повесил свой нос.

Витёк ответил: «Это всё мама с папой! Папа обещал, что мама скоро принесёт мне братика, а она взяла и принесла сестру. Вот и верь после этого взрослым! Обещают одно, а делают другое.»

Санёк захохотал: «А ты не знал, что все взрослые такие? Вечно думают, что мы маленькие и обманывают нас без зазрения совести.»

Санёк растопырил пальцы, отклячил свой зад и прошелся на цыпочках, как цапля.

«Вот такой цацей будет твоя сестра.»

Витёк растерянно спросил: «А может, она не будет такой?...»

Мальчишки вокруг хохотали. Санёк ехидно проговорил: «Вот видишь, ты уже защищаешь свою цацу-сестру.»

Витёк крикнул: «Нет! Я никогда не буду её защищать! Я сам буду лупить её!»

Молчавший до этого Мишка, произнёс: «Ну и дурак ты, Витёк! Ведь всё зависит от воспитания. Ты легко можешь превратить девчонку в мальчишку.»

Валёк задумчиво проговорил: «Тут всё зависит от родителей. Если они будут дрожать над ней, то она будет цацей.»

Мишка поучительно сказал: «Надо давать поменьше времени родителям, особенно маме. Как только сестра начнёт ходить, тут и надо браться за дело. Нужно внушать ей, что она не девчонка, а мальчишка, к тому же- солдат. А солдат должен не ныть, ничего не бояться, уметь драться и быть настоящим другом!»

Витёк спросил: «Мишка, а если бы у тебя появилась сестра, что бы ты делал?»

Мишка ответил: «Я был бы очень рад! Я бы быстренько сделал из девчонки мальчишку. И этот мальчишка стал бы нам всем хорошим другом».

Мишка с Вальком дружно взглянули на меня, но тут же отвели глаза: нельзя же всем показывать, что я – девчонка.

Витёк повеселел. Он доверчиво сказал Мишке, что постарается сделать из сестры брата, который со временем станет нам всем другом. Когда мальчишки разбежались, я спросила Мишку, правда ли, что он был бы рад сестрёнке.

Мишка проговорил: «Ну конечно! Мне надоело быть одному. Вы мне как родные, но с вами нельзя быть всё время. То родители вас позовут, то ещё что. А мне так хотелось бы, чтобы рядом был друг, всё время- и днём, и ночью. Чтобы с ним никогда не расставаться, ни на минуту. Это так здорово! Хорошо, что вас двое. Почему не случилось так, что мы из одной семьи? А то бы мы никогда не расставались!»

Бугай

К Вальку пришел одноклассник, Сашка Белкин. Наша троица, Валёк-Мишка-Танёк, сидела в это время на ступеньках нашего дома.

Сашка отозвал Валька в сторонку: поговорить по секрету.

Какой там секрет? Все мы знали, что Сашка пришёл содрать у Валька домашнее задание по арифметике.

Мы с Мишкой не стали мешать, поднялись и пошли к Мишке. Немного отойдя от дома, мы увидели, что прямо на нас несётся огромный чёрный бугай. На мне была яркая красно-белая рубашка. Наверное, мой яркий наряд и привлёк быка.

Мы с Мишкой улепётывали от бугая, как зайцы.

Не помню, как я перемахнула закрытые ворота конного двора, Мишка тоже перелетел их. Мы с Мишкой перебежали двор и перепрыгнули на другую сторону конного двора. Там мы без сил упали в траву.

Бугай бил головой в ворота, но они так и не поддались, видно, были сделаны на совесть.

Меня трясло, как в лихорадке. Я никак не могла успокоиться. Мишка обнял меня за плечи и попытался успокоить. Я уткнулась ему в грудь и расплакалась. Мишка проворчал: «Танёк, ну что ты ревёшь, как девчонка?» Я улыбнулась сквозь слёзы: «Мишка...а я и есть девчонка!»

Он рассмеялся: «Мы с Вальком давно знаем, что ты- девчонка. Но ты девчонка-друг, как Анка-пулемётчица у Чапая.»

Я попросила друга: «Мишка, но ты молчи о том, что я –девчонка, ладно?» «Могила!»- заверил он.

Мы пошли к Мишке в сад. Мишка полез на дерево, чтобы нарвать черешен. Меня всё ещё немного трясло, поэтому я не полезла на дерево, а уселась под ним.

Тут в сад вышел Мишкин отец. Отец у Мишки был сильный, смелый и строгий. А его мама была молодая и очень красивая.

Мишкин отец увидел меня и спросил: «Танёк, а где же этот разбойник, Мишка?»

«Он не разбойник, а солдат!»-заступилась я за друга.

«Ещё какой разбойник!»- улыбнулся Мишкин отец. Он строго сказал сыну: «Я кому говорил, чтоб в капусте бурьян повывёргивал! Ты меня не понял, что ли?»

Через пять минут мы с Мишкой усердно освобождали грядку от сорняков. Когда грядка была очищена, мы с Мишкой присели отдохнуть. К нам подошла Мишкина мама и дала нам по два пирожка.

«Ах, какая у тебя помощница хорошая!»- сказала Мишкина мама. Она обняла меня и поцеловала.

Я тут же насупилась.

Мишка проговорил: «Ма,пусти её, она не любит телячьих нежностей!» Мишкина мама, смеясь, отпустила меня. Я тут же отошла в сторонку от неё. Мишка попросил у матери ещё два пирожка для Валька, и мы отправились к нам.

Валёк сидел на ступеньках и скучал. Мы отдали ему пирожки, и он с удовольствием съел их. Мишка рассказал Вальку как станичный бугай чуть не поубивал нас. Валёк предложил побить быка.

Бык был посажен за конным двором на две толстенные цепи. Увидев нас, бык пришёл в бешенство, а меня опять начало трясти от страха. Мишка с Вальком взяли две длинные палки и начали бить быка. Он взбесился ещё больше.

Я не выдержала и заорала: «Хватит!...» Мы все втроём дружно бросились бежать.

Дома Валёк похвастался маме, что они с Мишкой побии станичного бычару. Мама ужаснулась.

В станице все боялись огромного чёрного быка. Он слушался только пастуха, и только пастух мог привязать его. Никакие верёвки не держали быка, поэтому он был привязан двумя толстыми цепями.

Наша мама строго – настрого приказала нам больше никогда не приближаться к быку.

Куряги

Наш отец много курил. Мама ругала его за это и просила бросить курить, потому что отца мучил кашель. Отец обещал попробовать бросить дурную привычку, но дело заканчивалось перекуром.

Мишкин отец тоже много курил. Его мама тоже ругала отца, но – безрезультатно.

У нас во дворе все мужчины были курящие. Старшие мальчишки тайком таскали у отцов папиросы и курили за углами.

Все мужчины нашего двора прошли Великую Отечественную войну. Они пытались растить сыновей в строгости, по-солдатски. Но сыновья, несмотря на отцовский запрет, всё равно таскали у отцов папиросы и курили. Отцы ловили их за этим занятием и лупили, как «сидоровых коз», но это мало помогало.

Однажды наша троица, Валёк-Мишка-Танёк, тоже решила попробовать курить. Валёк стащил у отца две папиросы, и мы пошли к Мишке в дальний конец сада.

Мишка принёс спички. Они с Вальком взяли в рот по папиросе и подожгли их. Вначале у них ничего не получилось, папиросы тухли. Потом они начали втягивать дым. Начало что – то получаться.

Я тоже захотела попробовать закурить. Валёк возразил, что мне ещё рано курить. Я сказала, что ему тоже рановато.

Я взяла папиросу у Мишки, но она у меня потухла. Мишка зажжёт спичку, поднёс к папиросе, но спичка вдруг ярко вспыхнула и опалила мне волосы и ресницы.

Я воскликнула: «Мишка! Ты мне чуть глаза не выжег!»

Мишка виновато произнёс: «Танёк, но я же не нарочно.»

Мишка принёс ножницы, и мальчишки косо и криво срезали мне опалённые волосы. Но с ресницами было сложнее: их нельзя было срезать.

Вечером мама спросила, кто это меня так подстриг. Я ответила: «Никто... я сама постриглась.»

Отец строго произнёс: «Танёк, хватит врать! Давай всё начистоту. У тебя осталась половина ресниц, остальные подгорели. Вы курили?»

Я удивлённо спросила: «Па, как ты всё сразу увидел и узнал? Да, мы немного попробовали курить. Спичка вспыхнула и обожгла мне лицо и волосы.»

Отец наставительно проговорил: «Это очень дурная привычка – курить. Курение плохо влияет на здоровье.»

Я перебила его: «Па, ты же сам куришь! Мама ругается, а ты всё равно куришь!»

Отец сконфуженно ответил: «Курю, но это совсем другое дело...Вобщем, я уже взрослый, а вы- дети. К тому же ты – девочка. А где ты видела курящих девочек и тётъ?»

Я подумала, что и вправду не видела. Во дворе у нас ни одна мама не курила. Наоборот, все мамы дружно ругали всех пап за курение.

Отец сказал: « На этот раз ограничимся предупреждением. Но если я ещё раз увижу в ваших руках папиросы, или узнаю, что вы курите где-то за углом, тогда берегитесь: разговор будет совсем другой! А то ишь какие куряги выискались!»

Мама тоже вступила в разговор: «Вот и подай пример детям, сам брось курить. А то видишь, какие у тебя дети быстрые: тому- восемь лет, этой – шесть; а уже курить пытаются.»

Отец промолчал и вышел на улицу. Когда я тоже вышла на улицу, то увидела, как отец быстро затоптал окурок.

На следующий день наша троица решала мировую проблему: курить или не курить?

Валёк говорил, что все солдаты курят. Я сказала, что мы ещё слишком молодые солдаты, чтобы курить.

Мишка сказал: «Это всё ничего. А вот мой отец сказал, что если поймает меня с папиросой, то заставит меня съесть пачку этих самых папирос. А ведь это совсем невкусно!»

Мы решили пока не курить, а там видно будет. Я была очень рада такому решению.

Велосипед

Наш отец купил подержанный велосипед. Он сказал, что купил его себе, а не нам.

Мы втроём, Валёк-Мишка-Танёк, всё думали, куда отец будет на нём ездить. Школа находилась недалеко, и на работу он всегда ходил пешком. Рыбалкой он не увлекался.

Мы решили, что будем кататься, когда родителей не будет. А их почти всегда не было дома. Только в воскресенье мать с отцом отдыхали. И то не всегда.

Только родители из дому, мы за велосипед – и на улицу.

Валёк и Мишка быстро научились кататься на железном коне. Я же была ещё слишком мала для взрослого велосипеда.

Весь наш двор дружно носился на велике по очереди. Бывало и падали, но видимого ущерба нашему велику не нанесли.

Когда родители приходили из школы, железный конь уже стоял на месте. Отец знал, что велосипед не всё время стоит на месте, но он ничего не говорил нам.

Как-то родители ушли в школу, мы взяли велосипед и пошли на улицу. Мальчишки уже ждали нас. Тут же начали кататься на велике. Мальчишки дали по несколько кругов по двору.

Я начала просить Вальку и Мишку научить кататься и меня.

Я просунула ногу под раму. Валёк держал руль, а Мишка- багажник. Сначала мы упали вместе с великом. Потом я начала крутить педали. Мальчишки держали велосипед и я потихоньку ехала. Потом я решила поехать одна.

Мальчишки разогнали велосипед и отпустили его. Я крутила педали, разгоняясь ещё больше. Вдруг я увидела впереди огромный дуб, росший в нашем дворе. Он как будто притягивал меня.

Ни свернуть, ни остановиться я уже не могла. Со всего маху врезалась в дуб, ударилась лбом и потеряла сознание.

Очнулась я уже в постели. Мама совала мне под нос нашатырь и плакала. Увидев, что мама плачет, я опять закрыла глаза. Но мама увидела, что я уже пришла в себя.

Она ласково спросила меня: «Танюшка, как ты себя чувствуешь?» Я прошептала: «Хорошо...»

Потом подошли мальчишки. Мишка положил свою руку на мою и спросил тихонько: «Танёк, тебе очень больно?»

Я ответила: «Нет, не очень...». Но на самом деле моя голова раскалывалась от боли.

Мне пришлось три дня поваляться в постели. На улицу меня не пускали. Выздоровев, первым делом я захотела взглянуть на велосипед, но его уже не было в кладовке.

Мама заставила отца продать наш велик, пока я на нём не убилась.

Последнее лето вместе

Валёк и Мишка закончили школу с хорошими отметками. Впереди было лето. Теперь можно было гулять, сколько хочешь.

Мы втроём насобирали уйму патронов и гильз, от маленьких, винтовочных, до больших, не знаю от каких орудий.

Наша троица, Валёк-Мишка-Танёк, устроила тайник в кустах за Мишкиным садом. В тайник мы тащили всё: патроны, снаряды, гильзы, ржавые штыки от винтовок, бляхи от ремней. Мы опасались, как бы наши отцы не узнали про тайник.

Мы любили, но побаивались наших отцов. Мишкин отец частенько лупил Мишку ремнём, но Мишка на него не обижался, он считал порку вполне заслуженной. Вальку тоже доставалось от нашего отца. Но меня наш отец не бил, за исключением одного раза, я о нём уже рассказывала.

Меня просто страшно было бить. Я почти всегда была в царапинах, ушибах,

порезах. Моя мама, отмывая меня по вечерам от грязи, не знала, с какой стороны ко мне прикасаться. Мыло попадало в мои раны, я вскрикивала и дёргалась. А не мыть меня тоже было нельзя, уж очень я была чумазой. Да ещё эта сажа! Ею я наводила себе Чапаевские усы.

Вобщем, я была горе-ребёнком. Моя мама говорила: «Будет на дороге лужа. Мимо пройдёт сто человек – и ничего; но если будешь идти ты, Таня, то обязательно в неё свалишься!

Или, к примеру, будет стоять сто человек, и ты среди них, а мимо будет бежать злая собака... Укусит она обязательно тебя!»

Я молчала и чувствовала, что мама права.

Грустная, я вышла на улицу. Мальчишки решили развеселить меня. Они развели костёр, набросали туда маленьких патронов, а сами вместе со мной отбежали подальше от костра. Патроны начали взрываться. Мы стояли и наблюдали за яркими вспышками.

Наши отцы увидели, что мы делаем и проследили за нами. Когда мы пришли навестить свой тайник, то целых патронов и снарядов там уже не было. По нашей и Мишкиной просьбе наши отцы вместе с нами вышли вечером далеко за станицу. Они нашли для нас хорошее укрытие, сами сложили наши снаряды, а вокруг разложили костёр.

Вот это был фейерверк!

Настоящий друг

Летом в гости к нашим соседям приехал мальчишка, Антон.

Антошка был городским мальчиком. Чистый и нафуфыренный, он надувался, как индюк и смотрел на нас с нескрываемым презрением. Мол, деревня – матушка. Ему было лет шесть-семь.

В нашем дворе Антошку прозвали паном Быковским, потому что фамилия его была Паникоровский. Я сразу невзлюбила задаваку – Антошку. Он тоже меня терпеть не мог.

Как-то я вышла во двор и увидела, что Антошка играет моим мячиком, который я позабыла на улице. Я подошла к Антону и сказала, что это мой мячик.

«Был твой – стал мой!»

Я назвала Антона индюком. Он влепил мне по шее. Я тоже ударила его. Мы с Антошкой упали на землю и начали всерьёз драться. Мы катались по земле и тузили друг друга, как могли.

Я увидела, что со стороны конного двора к нам бегут Валёк и Мишка. Антошка тоже увидел моих друзей. Он не собирался сдаваться.

Антон схватил валявшуюся рядом разбитую бутылку и ударил этой бутылкой меня по голове. В это время я немного повернула голову, и удар пришёлся по верхней части правого виска. Брызнула кровь, заливая мне лицо,

волосы, одежду. Испуганный Антон тоже весь был в моей крови.

Я услышала Мишкин крик: «Танёчек, родненький!» Мишка отшвырнул Антона, сел на землю и положил мою голову к себе на колени. Я тихо прошептала: «Мишка, ты вымажешься...» Он так же тихо ответил мне: «Ничего....» Потом заорал на Вальку: «Чего стоишь? Беги домой, а то вдруг она умрёт?!»

Валёк помчался домой. Он влетел в комнату и крикнул: «Ма, там Антон Таньку убил!»

Мама переспросила: «Кто кого убил?»

Валек торопливо проговорил: «Антошка ударил Таньку по голове разбитой бутылкой и наверное убил её!»

Мама побелела и упала в обморок. Отец положил её на кровать и побежал за Вальком.

Я лежала у Мишки на коленях, и мне было хорошо и спокойно. Вот только я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Какая –то слабость окутывала меня.

Вдруг я почувствовала, что мне на лицо падают какие-то тёплые капли. Я думала, что пошёл дождь, но, открыв глаза, увидела, что Мишка, склонившись надо мной, горько плачет.

Впервые я видела Мишкины слёзы.

Я закрыла глаза и с трудом спросила: «Ты солдат, Мишка?» Он тихо ответил: «Да, Танёк...»

Я прошептала: «А солдаты не плачут.»

Он обиделся: «Да не реву я....они сами текут.»

Подбежали наш отец и Валёк. Папа схватил меня на руки и понёс в медпункт, но был выходной и медпункт был закрыт. Папа понёс меня домой к медсестре, тёте Люсе. Она выстригла мне волосы на виске, обработала рану и наложила повязку. Она сделала мне укол от столбняка и сказала папе, что меня лучше отвезти в город.

На следующее утро Мишкин папа отвёз нас с мамой в больницу. Меня продержали в больнице целую неделю.

Когда меня выписали, то при резких движениях моя многострадальная голова кружилась, перед глазами летали искры. Мне было очень плохо.

Мишка каждый день приходил ко мне. Это было, как бальзам на душу. Когда он пришёл ко мне в первый раз после моего возвращения из больницы, то сказал: «Танёк, как хорошо, что ты жива. Если б ты умерла, я бы тоже умер.»

Я промолчала, но душа моя пела. Как хорошо иметь такого друга, который пойдёт за тобой в огонь и в воду, который всегда поможет и выручит из любой беды.

Мы уезжаем

Наша семья собралась уезжать на другое место.

С утра мы все втроём, Валёк-Мишка-Танёк, не находили себе места. Мы с братом не представляли себе, как будем жить без Мишки.

Наша троица сидела у Мишки в саду и молчала. Сколько здесь было воспоминаний! Ничего плохого не вспоминалось, а только лишь хорошее.

С Мишкой была связана вся наша жизнь. Мы не представляли себе жизнь без нашего друга.

А теперь вот надо расстаться навсегда.

Мы не плакали, потому что «солдаты не плачут», но в горле крепко стоял комок, мешая говорить.

Родители договорились с шофёром выехать вечером, чтобы утром быть на месте. И тут мне пришла в голову мысль, что Мишку можно забрать с собой. Нагруженный вещами грузовик стоял во дворе. Мишке надо незаметно забраться на него и спрятаться в вещах.

Мы думали, что когда приедем на новое место и родители увидят Мишку, то они оставят его у нас. Не отправлять же его обратно в такую даль!

Так мы и сделали. Мишка забрался в грузовик и спрятался в вещах. А мы с братом сразу повеселели.

Вечером родители начали собираться. Только хотели выезжать, как пришла Мишкина мама. Она сказала, что Мишки нигде нет, а уже так поздно.

Наш папа спросил нас: «Вы не знаете, где ваш друг?»

Мы так дружно ответили: «Нет!», что отец понял: тут что – то не так.

Наш отец взял фонарик и полез в кузов. Вскоре из груды вещей он вытащил орущего благим матом Мишку.

Нашему разочарованию не было конца. Мы все, втроём, вцепились друг в друга и заявили родителям: «Вы езжайте, а мы останемся у Мишки!»

Уговаривая нас и ругаясь, наши родители кое – как оторвали нас от Мишки. Мама села в кабину, взяла меня на руки, Валька отец посадил рядом с мамой.

Грузовик тронулся в путь. И тут мы дали волю слезам. Мама успокаивала нас, прижимала к себе; но мы плакали, пока не уснули.

Первый класс

Мы переехали в станицу Ильскую.

На новом месте Валёк сразу же нашёл себе друзей. Но эти мальчишки были совсем не такие, как мои прежние друзья.

Валёк всё больше отдалялся от меня. Звали его теперь не Валёк, а Валя. Меня мальчишки называли Танькой и дружить со мной никто из них не хотел. Мама с папой были заняты обустройством дома, огородом и другими своими делами.

У меня остался один друг, собака-волкодав по кличке Марс. Он достался нам от прежнего хозяина дома. Тот уезжал далеко на Север и не мог взять с

собой собаку.

Марса боялись все соседи, да и хозяева не слишком доверяли ему. Только я и мой брат могли свободно подходить к Марсу и даже обнять его за шею. Это был огромный чёрно-серый пёс. Он не ласкался, не игрался, не прыгал, как другие собаки. Понапрасну никогда не лаял. Толстая железная цепь едва сдерживала мощное, красивое животное.

Однажды Марс сорвался с привязи. Гремя обрывком цепи, он нёсся по улице, как ураган. Все люди попрятались за калитки. Собак, которые не успели укрыться, Марс сбивал грудью и бежал дальше.

Мама с папой были в ужасе. Вдруг Марс кого-нибудь загрызёт?

Но всё обошлось благополучно. Нагулявшись, Марс вернулся и дал нашему папе себя привязать.

Я часами могла сидеть рядом с собакой. Я гладила её густую шерсть, трогала холодный нос, обнимала её за шею. Мне казалось, что собака чувствует, как я сейчас одинока и разделяет моё одиночество.

Но вот пришла пора и мне идти в школу. Я вспоминала, какой был радостный день, когда Валёк и Мишка пошли в первый класс. Как я им тогда завидовала и гордилась ими!

Но моё поступление в школу было безрадостным.

Я стояла в группе девчонок, которые щебетали, как сороки. Мальчишки надувались, как индюки, и сторонились девочек. И здесь я была одна.

Оказалось, что общаться с девочками намного сложнее, чем с мальчиками. Во дворе, где я жила, не было ябед. Там всё было просто: что-то не понравилось – высказали друг другу в глаза, а если и после этого не поняли друг друга – то вlepили один другому по шее- и все проблемы! И никаких жалоб!

У нас в классе девочки оказались очень нежными существами. Чуть что не так, они сразу же бежали жаловаться учительнице. Жаловались родителям по любому поводу. И ещё одно поражало меня в этих девчонках: сегодня она клянётся, что ты- её лучшая подруга, а завтра говорит о тебе гадости другим девчонкам без зазрения совести.

Меня посадили за одну парту с Галей. Галя щебетала, как птичка. Я изредка отвечала.

Прозвенел звонок. Вошла наша учительница, Елена Васильевна. Она поздоровалась с нами и разрешила нам сесть. Я опустилась на парту и тут увидела, что из носа Гали висит длинная сопля. Сопля колыхалась в такт дыханию.

Вскоре моему терпению пришел конец. Я сильно ущипнула Галю за ногу. Она взвизгнула и подскочила.

Елена Васильевна удивлённо спросила: «Что случилось?»

Галя заплакала и зачастила: «Она меня щипает! Мне очень больно. Я не хочу сидеть с ней!»

Я думала, что Галя даст мне сдачи, а дождалась слёз и жалоб. Елена Васильевна, в наказание, посадила меня с мальчиком Борькой. Надо сказать, что я нисколько не огорчилась: этот хоть ныть не будет.

На уроках я сидела, забившись в угол. Все что-то читали по слогам, тянули

вверх руки, а я сидела и выглядывала из угла, как зверушка из норы. Елена Васильевна пожаловалась моей маме, что я какая-то не такая, как все; ничего не знаю- и знать не хочу.

Мама улыбнулась : «А Вы возьмите и спросите её!»

На следующий день Елена Васильевна заставила меня читать. Она была крайне удивлена, когда я начала бегло читать букварь. Учительница спросила, знаю ли я сложение и вычитание. Я ответила, что знаю. Она спросила также, кто меня всему этому научил? Я ответила, что мой старший брат учился, а я сидела с ним рядом и тоже чему-то научилась.

После этого Елена Васильевна предложила моей маме перевести меня во второй класс.

Я не нравилась ей. Я не жаловалась, не ходила за ней следом, как другие девочки, не заглядывала ей в рот. Я была необщительна, и она никогда не знала, что у меня на уме.

Моя мама не захотела куда меня переводить. Она сказала: «Пусть всё идет своим чередом!»

Мама видела, что я из шустрой, живой пацанки превратилась в угрюмую, настороженную и неуклюжую девочку. Во дворе, где мы раньше жили, я была заводилой, ловко лазила по деревьям, играла в мальчишечьи игры. Но в компании девочек всё это было совсем ни к чему.

Как-то раз Елена Васильевна решила поучить нас танцевать. Она разбила нас на пары: мальчики с девочками. Перед школой я сильно вытянулась, и мы с партнёром по танцу, рыжим Васькой, были одного роста.

Неуклюже двигаясь, я наступила ему на ногу; Васька ойкнул и тут же наступил мне на ногу.

Вскоре мы не танцевали, а соревновались, кто кому больше наступит.

Елена Васильевна отругала нас, и поставила меня танцевать с малорослым мальчишкой, а Ваську- с самой маленькой девочкой.

У моего нового партнёра была тесная обувь, и когда я наступила ему на ногу, он взвыл, как волк.

Васька громко расхохотался.

Елена Васильевна поставила меня и Ваську в разные углы коридора. Мы стояли в углах, корча друг другу рожи.

После уроков Елена Васильевна пожаловалась моей маме, что я – невыносимая девчонка со скверным характером. Дома я получила сильнейший нагоняй. И стала ещё угрюмее. Подруг у меня не было, мальчишек я избегала.

После школы я шла к волкодаву Марсику, гладила его и рассказывала ему, как плохо мне в школе. Он лизал мои руки и лицо и, казалось, всё понимал.

Несмотря ни на что, училась я хорошо. И вести себя вскоре стала прилично. Но в душе осталось много затаённой горечи и обиды. Мне хотелось играть со всеми, бегать, шалить, но меня не понимали ни девочки, ни мальчики.

Зимой мальчишки ловили девчонок и натирали их снегом. Попытались натереть и меня. Я ударила одного из них, а другому оторвала пуговицу от пальто. После этого они оставили меня в покое. Впрочем, в классе я была в гордом одиночестве. Это вселяло неуверенность в себе.

С братом отношения тоже разладились. Оказывается, наш дружок, Мишка, был для нас связующим звеном. Долгое время я с щемящей тоской вспоминала верного друга, наши игры, нашу преданность друг другу. Понемногу я привыкла ходить в школу, и весной уже не чувствовала себя в ней такой одинокой. Но подруг у меня по-прежнему не было.

Мой отец и директор нашей школы невзлюбили друг друга. Директор замучил моих родителей проверками и комиссиями. А тут он ещё узнал, что моя мама из богатой семьи. Он стал буквально преследовать моих родителей. Пришлось моим родителям опять думать об отъезде. Но на этот раз я была рада, что мы уезжаем.

Первый класс я закончила с отличием. Вручая мне грамоту, Елена Васильевна наставительно и ехидно произнесла: «Летом хорошенько подумай о своём поведении!» Я затравленно посмотрела на неё и промолчала.

Разговор с мамой

Я пришла из школы очень расстроенная. Пошла к Марсику и задумалась о своей школьной жизни.

Мы с Еленой Васильевной сразу невзлюбили друг друга. Даже последний день в школе она испортила мне своей нотацией.

Меня позвала мама. Она сказала, что хочет серьёзно поговорить со мной. Мама сказала, что она видела, как плохо приходится мне в школе. Я выросла с мальчишками и приспособиться к девочкам мне почему-то очень тяжело. Но это надо обязательно сделать, потому что я – девочка, а девочки проводят свои школьные годы именно с девочками, а не с мальчиками. Мама говорила, что среди девочек тоже очень много хороших, как и среди мальчиков. Просто не нужно бояться девочек, а надо найти среди них подружек.

Мама улыбнулась мне: «Хочешь, я расскажу тебе, как ты оказалась в компании мальчиков?»

Вот как это случилось.

Когда мне было два года, мама попала в аварию. Она получила очень тяжёлые травмы, и ей долго пришлось лежать в больнице.

На отца свалилось всё: дом, работа, а главное – двое маленьких детей. С братом проблем было мало: он бегал по двору с мальчишками. Но я- была с детства болезненным ребёнком. Мама замучилась таскать меня по больницам. Отец решил и меня отправить бегать с мальчишками. Ему надо было работать, а меня некуда было девать.

Отец попросил Мишкину маму сшить мне пару шаровар и несколько рубашек. Мишкина мама с удовольствием выполнила заказ моего отца.

Уходя на работу, отец наказывал брату не бросать меня. Но брат, Валёк, иногда убегал, а меня оставлял другу Мишке. Мишка рос в семье один, и ему нравилось возиться со мной.

Мишкин отец воспитывал Мишку в строгости, по- солдатски. Мишка и меня учил, что я – солдат, а солдат должен быть смелым, честным, хорошим другом. Он говорил, что не стоит ныть из-за ушибов и царапин.

Мишка учил меня играть в мальчишечьи игры, лазить по деревьям; но особенно он учил меня драться, никому и никогда не давать себя в обиду. Но – драться только по совести!

Мишка был добрым и терпеливым мальчишкой, но и я была хорошей ученицей. Когда мама пришла из больницы, то вместо девочки она встретила мальчика.

Я говорила: я пошёл, я взял – вместо я пошла, я взяла. Я была исцарапанная, всклокоченная, но совершенно здоровая.

Мама попыталась опять превратить мальчика в девочку, но не тут то было. Я привыкла к мальчишкам и никак не хотела ничего менять. Отец меня поддерживал. Так я и росла с мальчишками.

Но теперь всё изменилось. Тот этап жизни – позади. Я стала взрослой. Мама успокоила меня, что у девочек тоже много всего интересного: красивые платья, интересные книжки, свои секреты – всего и не перечесть!

Мама улыбнулась, положила руку мне на плечо и проговорила: «Танюшка, у тебя вся жизнь впереди. Перестань грустить, ведь в жизни так много хорошего и интересного!»

Разговор с мамой успокоил меня и вселил надежду на то, что жизнь – не такая уж и скверная штука.